

Колинько Е. П.,

доктор филологических наук, профессор,

профессор кафедры украинской и зарубежной литературы и сравнительного литературоведения
Бердянского государственного педагогического университета

ПОЭТИЗАЦИЯ ОБЫДЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. ГОГОЛЯ И И. БУНИНА

Анотація. У статті зосереджується увага на поетизації буденних цінностей у «Старосвітських поміщиках» М. Гоголя (1836) і «Антоновських яблуках» І. Буніна (1900). Підкреслюється, що ні в кого з письменників, крім М. Гоголя та І. Буніна, тема «старосвітського», «садибного», «дрібнопомісного» життя не викликала такого захоплення, обожнювання і милування. Звернення письменників, зокрема М. Гоголя, до такої теми не випадкове: як зазначали критики, 30–40-і рр. XIX ст. вважали часом звичайним, людей, які жили в ньому, – теж звичайними. Тому звичайні люди, їхнє життя, довкілля, побут ставали предметом художнього втілення, з носіїв невизначено-негативного характеру вони перетворювалися на об'єкт естетичного інтересу, зумовлений змінним духом часу.

Поетичне ставлення до буденності та звичайних людей визначає тональність текстів письменників. Їхня своєрідність у тому, що на першому місці в них виявляється не буденна прагматика, а емоційний стан, через який переломлюються побутові деталі. Вони передаються поетичною мовою, в якій звучить гоголівсько-бунінська прощальна туга за «дрібнопомісним» і старосвітським життям, тихим і простим, але дуже зворушливим і дорогим.

Акцентується на тому, що об'єднують розглянуті тексти «ідеалізація» і глибокий «ліризм», спогад і ностальгія про «давно забуте», але оживлене в пам'яті. Підсилює ностальгічне звучання творів багатий, різноманітний звуковий і ольфакторний фон.

Запахами і звуками підтримується і підкреслюється стан умиротворення, яке несе в собі оповідач, дає змогу йому затишно почуватись і в хаті, і у відкритому полі, і в спілкуванні з простими людьми. Наратор широко бажає бути розчиненим у світі дрібних життєвих стосунків і речей, його все влаштовує, він якомога довше хоче зберегти цей буттєво-буденний світ і не намагається втекти в інший життєвий простір.

Підсумовується дослідження висновками, що твори письменників постають перед читачами не одного покоління як своєрідний естетичний доказ існування світу, в глибинах якого є пам'ять не тільки про минуле, а про зв'язок часів, що включає в себе спогади про давнину, їх неминучу загибель, і зберігається здатність це пам'ятати і розповісти нащадкам.

Ключові слова: буттєво-буденний світ, ідеалізація, ліризм, старосвітське, садибне життя, поетизація.

Постановка проблеми. О творческих взаимодействиях И. Бунина с предшественниками написано много исследований, в которых присутствуют и заимствования из Н. Гоголя. Так, например, В.Н. Муромцева-Бунина отмечает, что прототипом тети Тони (из повести «Суходол») была Варвара Николаевна Бунина, родная теть писателя, которая согбенной

странной фигурой, колпаком на голове, халатом на голое тело напомнила молодому Бунину Плюшкина из «Мертвых душ» [11, с. 50]. Н. Кучеровский увидел схожесть запряженной тройкой тарантаса, везущего погорельца Мишку Сиверского (повесть «Деревня»), с птицей-тройкой из поэмы Н. Гоголя «Мертвые души» [9, с. 119]. Ю. Лотман показал, что Бунину близок и гоголевский образ тихой ночи, и лунного света [10, с. 731, 741]. М. Сосницкая пишет о «щедро разбросанных по разным структурным уровням рассказов Бунина тех или иных восходящих к Гоголю характеристиках (портрет Лукьяна из рассказа «Князь во князьях» полемика репликой ориентирован на образ Плюшкина из «Мертвых душ»; описание Хвощинского-младшего из «Грамматика любви», его жадности, когда он пытается продать Ивлеву библиотеку своего отца, напоминает и Плюшкина, и Собакевича, когда они с алчным волнением торгуются с Чичиковым, расхваливая «мертвых душ»») [17].

Анализ последних исследований и публикаций. Сосредоточившись на двух произведениях писателей – «Старосветских помещиках» Н. Гоголя (1836) и «Антоновских яблоках» И. Бунина (1900), хочется отметить не только типологические сходства и параллели в текстах, но и уделить особое внимание поэтизации обыденных ценностей в них. Часто исследователи тему старосветской, патриархальной, «кусадебной» жизни, которая изображается в этих произведениях, критиковали, причем не всегда в положительном аспекте, находя в ней «унюлую пустоту прозаического прозябания», «бессмысленное, пустопорожнее существование», «бездуховность» (П. Николаева), иногда подвергали её уничтожающему «социологическому» разбору. Для В. Белинского герои повести «Старосветские помещики» – «две пародии на человечество: в продолжение нескольких десятков лет пьют и едят, едят и пьют, а потом, как водится исстари, умирают. Но отчего же это очарование? Вы видите всю пошлость, всю гадость этой жизни, животной, уродливой, карикатурной, и между тем, принимаете такое участие в персонажах повести, смеетесь над ними, но без злости, и потом рыдаете с Филемоном об его Бавкиде, страдаете его глубокой, неземной горести...» [2, с. 291]. Подобная двойственность восприятия присутствует в оценках Г. Гуковского. По его словам, комизм бытовой жизни и сила духовного начала, обнаруженного в «бесчувственном старике» и коренящегося, по-видимому, в самой человеческой натуре, порождают «двойственность впечатления»: Товстогубы «вызывают и умиление, и горестное чувство почти презрения, смягченного смехом, чувство печали за человечество, потому что в них одновременно выразились и высокое предназначение человека, и ужасное падение его» [7, с. 77].

А. Пушкин определил «Старосветских помещиков» как «шутливую, трогательную идиллию», которая заставляет «смеяться сквозь слёзы грусти и умиления» [13, с. 345]. Но Ю. Барабаш возражает поэту, по его мнению, он «не заметил в повести той страшной пограничной черты, которая отделяет идиллию повседневного существования от вечной драмы смерти» [1]. А. Белый интерпретировал повесть Гоголя как «попытку идиллии», потерпевшую фиаско вследствие «мертвенности быта и ужаса полдня» [3, с. 180]. В. Кулешов подчеркивает не смеховое, сатирическое содержание повести, а морально-этическое: «Но не в сатире суть дела, а в самой возможности столь чистых, человеческих отношений, какие могли сложиться в жизни двух любящих друг друга до гроба старичков. И в этом есть высокая мораль, украшение жизни» [8, с. 272]. Спорные мысли по отношению к этому утверждению высказывает Е. Руднева: «...двусмысленным выглядит гостеприимство и другие добродетели Товстогубов, прямолинейная оценка которых некоторыми интерпретаторами придает юмористической повести несвойственный ей моралистический оттенок» [14, с. 17].

А вот Н. Некрасов (для нас это важно) видел в «Старосветских помещиках» «чудную картину, всю, с первой до последней страницы, проникнутую поэзией, лиризмом. <...> Всё неотразимое влияние его (Гоголя. – К. Е.) творений заключается в лиризме, имеющем такой простой, родственно слитый с самыми обыкновенными явлениями жизни – с прозой – характер» [12, с. 193–194].

В буниноведении присутствует также неоднозначный анализ «усадебных» произведений писателя (В. Вешнев, Ф. Степун); исследователи изучают истоки концепции усадьбы в творчестве И. Бунина (А. Бабореко, И. Ильин, О. Михайлов, А. Дякина, Л. Зверева, Л. Смирнова), К. Чуковский, Л. Назарова, В. Севский в изображении «усадебных» произведений находят близость Бунина к Тургеневу. Т. Бонами считает литературными предшественниками Бунина в разработке темы «дворянских гнезд» Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Чехова. Она также отмечает двойную природу бунинского подхода к изображению «дворянских гнезд»: «идеализацию старины» и показ реальных картин «разорения и гибели дворянского класса» [4, с. 69].

Критик Р. Григорьев считает, что в своем творчестве И. Бунин отразил «грустную поэзию разоряющихся дворянских гнезд» [19, с. 88]. Философ и публицист П. Струве увидел «совмещение в бунинском творчестве глубочайшего лиризма с беспощадной изобразительностью» [18, с. 102]. Л. Смирнова, анализируя рассказ «Антоновские яблоки», утверждает наличие идеализации как художественного приёма и изображения «особенного состояния души тех, кто крепко связан с чернеющими или зеленеющими полями, лесными дорогами, долинами, оврагами» [16, с. 33].

Цель статьи. Несмотря на разные, иногда противоречивые характеристики критиков бунинской мелкопоместной усадьбы, «Антоновских яблок» в частности, в них можно выделить ключевые слова: «идеализация», «грустная поэзия», «лиризм». То же самое прочитывается в отзыве Н. Некрасова и современников Гоголя о «Старосветских помещиках». С этим нельзя не согласиться, а это значит, что заявленная проблема – поэтизация обыденных ценностей в обозначенных произведениях Гоголя и Бунина – является актуальной и может быть предметом исследования. Ранее она только касательно интересов ученых, и, как было отмечено выше, автор статьи ставит цель более подробно осветить её, определить лирическую и эстетическую её составляющую.

Изложение основного материала. В этом контексте вспоминаются рассуждения Гёте о творчестве, где обыденность занимает значительное место и обозначается как базовая категория эстетической действительности. Он заявляет: «Смешно говорить, что действительная жизнь лишена поэтического интереса; в том и сказывается талант поэта, что позволяет ему и в обыденном подмечать интересное. Побудительные причины, необходимые акценты, сюжетное ядро поэту даёт жизнь, но только сам он может из всего этого сотворить прекрасное, одухотворённое целое» [20, с. 68].

Эти рассуждения Гёте применительны к Гоголю и Бунину, потому что ни у кого из писателей, кроме них, тема «старосветской», «усадебной», «мелкопоместной» жизни не вызвала такого восхищения, обожания и любования. Художественное пространство, куда помещены герои названных произведений, – это обыденность – предметная, вещная, событийная. Поэтическое отношение к обыденности определяет тональность текстов писателей, они сумели так войти в мир обыденной действительности, что почувствовали не её рутину, затхлость, пошлость, бессмысленность, слепую привязанность к обжитым местам и людям, а ощутили ту благодать, которая исходит из этого обыденного мира, сумели увидеть прекрасное и возвышенное в повседневном бытовании и окружении людей, его населяющих.

Дело в том, что 30–40-е гг. XIX в. многие критики, в том числе и В.Г. Белинский, считали временем обыкновенным, и людей, живущих в это время, тоже обыкновенными. Потому обыкновенные люди, окружающая их обстановка, их жизнь и быт становились предметом художественного воплощения, из носителей неопределённо-отрицательного характера они превращались в объект эстетического интереса, обусловленный изменяющимся духом времени. Тем самым, как отмечают С. Савинков и А. Фаустов, «обыкновенное оказывается вписанным в горизонт истории как такое состояние, в котором разрешается и сквозь которое снова в назначенный срок вторгается в мир необыкновенное. Но оно в обозримый период может и не проявить себя (или проявить себя отчасти), скрываясь за фасадом обыкновенного на правах для немногих доступной альтернативной действительности» [15, с. 229].

Приведённое высказывание многое объясняет в обращении обоих писателей к теме обыденной жизни и обыкновенных людей. Но своеобразие рассматриваемых произведений Гоголя и Бунина в том, что на первом месте у них оказывается не будничная прагматика, а то эмоциональное состояние, через которое преломляются многие бытовые детали. Они передаются поэтическим языком, в котором звучит гоголевско-бунинская прощальная тоска о «мелкопоместной и старосветской жизни», такой тихой и простой, но очень трогательной и дорогой. И объединяют рассматриваемые тексты, прежде всего, «идеализация» и глубокий «лиризм», воспоминание и ностальгия о «давно забытом», но ожившем в памяти. А ещё – позиция нарратора, который не является нейтральным наблюдателем, не скрывает своего восхищения, восторга от увиденного. «Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владетелей отдаленных деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют старосветскими. <...> Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенно уединенной жизни, где ни одно желание не перелетает за частокол, окружающий небольшой дворик, за плетень сада, наполненного яблонями и сливами, за деревенские избы,

его окружающие, пошатнувшиеся на сторону, осенние вербами, бузиною и грушами...» [6, с. 209], – так Гоголь с первых строк признается в любви старосветской жизни.

У Бунина читаем: «Вот я вижу себя снова в деревне, глубокой осенью. <...> Голодный и прозябший, возвращаюсь я к сумеркам в усадьбу, и на душе становится так тепло и отрадно, когда замелькают огоньки Выселок и потянет из усадьбы запахом дыма, жилья. <...> Хороша и мелкопоместная жизнь!» [5].

В гоголевском тексте прослеживается живое человеческое чувство бескорыстной очарованности стариками: «На лицах у них всегда написана такая доброта, такое радушие и чистосердечие, что невольно отказываешься, хотя, по крайней мере, на короткое время, от всех дерзких мечтаний и незаметно переходишь всеми чувствами в низменную буколическую жизнь» [6, с. 210]. Гоголь в образах Пульхерии Ивановны, Афанасия Ивановича с душевной простотой и лиризмом показал ту старосветскую жизнь, увидев в ней, прежде всего, много прекрасного, человеческого. Хотя их жизненный мир укоренён в обыденной действительности, в домашнем уюте, в родной земле, в связи и любви к знакомым и близким людям, он не становится хуже из-за этого. Они привязаны к обжитому месту, людям, вещам, движениям, из которых соткано их субъективное пространство. Очарование стариками у Гоголя неизменно видится как «жизненный мир» (по системе Гуссерля) в сценах заботливой семейной суеты, трепетных учтивых отношений друг к другу, без пошлости и жеманства.

Бунин тоже любит своими героями: «Старики и старухи жили в Выселках очень подолгу, – первый признак богатой деревни, – и были все высокие, большие и белые, как лунь» [5].

Авторы не скрывают своих эмоций от нахлынувших воспоминаний, и то состояние умиления, любования необыкновенной усадьбой жизнью превращает в их сознании многие бытовые детали в поэтические, как, например, у Гоголя «поющие двери», «скрип дверей», который многих раздражает, а повествователь любит этот звук, он отдаётся в глубинах его сердца и вызывает ностальгические чувства. «Вереница воспоминаний» воскрешает в памяти, казалось бы, обыденные, но дорогие ему предметы: «массивные деревянные стулья», столики, зеркала в «тоненьких золотых рамах, выточенных листьями», «ковёр перед диваном с птицами, похожими на цветы, и цветами, похожими на птиц» [6, с. 214–215]. Лирический герой Бунина тоже приходит в восторг от «поскрипывающего в темноте длинного обоза», «скрипа ворот», шалаша, находящихся в нём «позеленевшего самовара», «посуды» и т.д.

Передать все эти «неизъяснимые прелести» можно только поэтическим языком, т.е. языком, в котором слово ощущается не как простая презентация названного предмета, а как взрыв эмоций. Поэтому в текстах обоих писателей очень богат и разнообразен звуковой и ольфакторный фон: у Гоголя – запах особенного свойства самого воздуха в Малороссии; запах деревни, низенькой комнатки, озаренной свечкой в старинном подсвечнике, душистой черемухи, запах ужина, стоящего на столе, запах варенья, желе, пастилы, деланными на меду, на сахаре, запах пригоревшей каши и др.; у Бунина – это не только умопомрачительные запахи антоновских яблок, но и «аромат опавшей листвы», и меда, и осенней свежести, «ржанный аромат новой соломы и макины», запах грибной сырости, перегнивших листьев и мокрой древесной коры, запах костра в саду, «душистый дым вишнёвых сучьев», «старой мебели красного дерева», и «сушеного липового цвета»; «старинных духов» и т.д.

Не менее выразительны звуки в произведениях, они вместе с запахами усиливают ностальгическое настроение, создают «удивительно приятное и спокойное состояние» души: это и «прекрасный дождь», который «роскошно шумит, хлопая по древесным листьям, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены»; и укачивающий монотонный шум коляски, ныряющей между зелеными кустарниками; и гремющий звук степного перепела; и треск горящей соломы; и странные звуки хозяйских дрожек, напоминающие и флейту, и бубен, и барабан; и жалкое мяуканье кошки, и таинственный зов вечности (Гоголь). У Бунина слуховое восприятие также вмещает большой диапазон всевозможных звуков: «сытое квохтанье дроздов на коралловых рябинах в чаще сада», «гулкий стук ссыпаемых в меры и кадушки яблок», грохот и стук несущегося поезда, крик петухов, «густой и музыкальный благовест из села», труб рога и завывающие на разные голоса собаки, мертвая тишина, треск дров и стрельбы, «шуршащие листья под сапогами в березовой аллее», «гул барабана молотилки бурный лай собак и крики охотников и многое другое.

Этими запахами и звуками поддерживается и подчеркивается состояние умиротворённости, которое несёт в себе повествователь, дает возможность ему «уютно чувствовать себя в этом гнезде под бирюзовым осенним небом!», а также испытывать веселье в «открытом поле в солнечный и прохладный день!» и восклицать: «Как холодно, росисто и как хорошо жить на свете!» [5]. Он искренне желает быть растворённым в этом мире мелких житейских отношений и вещей, его всё устраивает, он как можно дольше хочет сохранить этот бытийно-обыденный мир.

В произведениях обоих писателей присутствуют и поэтические описания кулинарных шедевров: это – коржики с салом, пирожки с маком, пирожки с сыром, урдою, с капустою и гречневою кашею, грибки с чебрецом, с гвоздиками и волошскими орехами, грибки со смородиновым листом и мушкатным орехом, рыжики соленые, вареники с ягодами, различные соусы (у Гоголя); «обед с горячей бараниной на деревянных тарелках и с ситниками, с сотовым медом и брагой»; сперва «дули», яблоки, — антоновские, «бель-барыня», боровинка, «плодовитка», потом – «удивительный обед: вся насквозь розовая вареная ветчина с горошком, фаршированная курица, индюшка, маринады и красный квас, – крепкий и сладкий-пресладкий» (у Бунина).

Выводы. Таким образом, бытийно-обыденный мир, «мелкопоместная и старосветская жизнь» с её обитателями вызывают и у Гоголя, и у Бунина милое и дорогое, до щемящей боли, ощущение счастья, очарованности, нежности, «неизъяснимой прелести», но вместе с этим «сладкой и странной тоски», грусти, которые бывают только, наверное, при старых воспоминаниях о самых счастливых мгновениях жизни, безвозвратно ушедших и содержащих в себе память о своём происхождении, о своих истоках, о гармонии в мире, в каждом моменте которого есть память о целом. Произведения писателей предстают перед читателями уже не одного поколения как своеобразное эстетическое доказательство существования мира, в глубинах которого есть память не только о прошлом, а о связи времён, включающей в себе воспоминания о прошлом, их неизбежную гибель и сохраняющуюся способность это видеть и рассказать потомкам.

Статья не является исчерпывающим осмыслением заявленной темы, она актуальна своей бытийно-философской составляющей, поэтому остаётся предметом дальнейших исследований.

Литература:

1. Барабаш Ю. «Старосветские помещики» – идиллия? пародия? драма? URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1105/2013>.
2. Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя. *Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т.* Москва : Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1. С. 259–308.
3. Белый А. Мастерство Гоголя. Москва; Ленинград : ОГИЗ: ГИХЛ, 1934. 322 с.
4. Бонами Т.М. Художественная проза И.А. Бунина (1887-1904). Владимир : Кн. изд-во, 1962. 282 с.
5. Бунин И. Антоновские яблоки. URL: <https://ilibrary.ru/text/95/p.1/index.html>.
6. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород / вступ. ст. П. Николаева. Москва : Худ. литература, 1984. 463 с.
7. Гуковский Г. Реализм Гоголя. Москва – Ленинград : Гос. изд-во худ. лит., 1959. 307 с.
8. Кулешов В.И. История русской литературы XIX века : уч. пособ. для вузов. Москва : Академический Проект, Триеста. 2004. 800 с.
9. Кучеровский Н. История Дурновки и ее «мертвые души»: (Повесть И.А. Бунина «Деревня»). *Русская литература XX века (дооктябрьский период)*. Сб. 2. Калуга, 1970. С. 107–154.
10. Лотман Ю.М. Два устных рассказа Бунина (к проблеме «Бунин и Достоевский»). *Лотман Ю.М. О русской литературе*. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1997. С. 730–742.
11. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. Москва : Вагриус, 2007. 512 с.
12. Некрасов Н.А. Заметки о журналах за октябрь 1855 года. *Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т.* Ленинград : Наука, 1990. Т. 11. Кн. 2: Критика, публицистика 1847–1869. С. 193–194.
13. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 7: История Пугачева, исторические статьи и материалы, воспоминания и дневники. 458 с.
14. Руднева Е. Об идиллии Гоголя «Старосветские помещики». *Polilog. Studia Neofilologiczne* nr 3. Słupsk: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej w Słupsku, 2013. С. 14–19.
15. Савинков С., Фаустов А. Аспекты русской литературной характеристики. Москва : Издательство Кулагиной-Intrada, 2010. 332 с.
16. Смирнова Л.А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество. Москва : Просвещение, 1991. 192 с.
17. Сосницкая М.С. Мелкопоместное дворянство у Гоголя и Бунина. URL: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/205/>.
18. Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press, Москва : Русский путь, 1996. 448 с.
19. Нефедов В.В. Чудесный призрак: Бунин художник. Минск : Польша, 1990. 240 с.
20. Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. Ереван : Айастан, 1988. 672 с.

Kolinko O. Poeticization of everyday values in N. Gogol's and I. Bunin's works

Summary. The article focuses on the poeticization of everyday values in “Old World Landowners” by N. Gogol (1836) and “Antonov Apples” by I. Bunin (1900). It is emphasized that none of the writers, except for N. Gogol and I. Bunin, did not feel such admiration and adoration for the theme of “old world”, “estate”, and “small local” life. The poetic attitude to the ordinary things determines the tone of the writers’ texts. Their originality lies in the fact that in the first place in their works we could see the emotional state through which everyday details are refracted but not everyday pragmatism. They are conveyed through the poetic language, in which the Gogol-Bunin farewell longing for the small-town and old-world life, quiet and simple but very touching and expensive, sounds. It focuses on what unites the texts under the consideration the “idealization” and deep “lyricism”, recollection and nostalgia about “long forgotten”, but revived in memory. The rich and varied sound and olfactory background enhances the nostalgic sound of the works.

Smells and sounds support and emphasize the state of tranquility that the narrator carries in himself, makes it possible for him to feel comfortable in the hut, and in the open field, and in communication with ordinary people. The narrator sincerely wishes to be dissolved in the world of small everyday relationships and things, everything suits him, he, as long as possible, wants to preserve this everyday world and does not try to escape to another living space.

The article is summed up by the conclusions that the works of writers appear before the readers of more than one generation as a kind of aesthetic proof of the existence of the world, in the depths of which there is a memory not only of the past, but connection of times, including memories of the past, their inevitable death and the continuing ability to remember it and tell descendants.

Key words: everyday life, idealization, lyricism, old-world, estate life, poeticization.